

Социодинамика правовой культуры

Культурный код России в историко-правовых исследованиях

Аннотация. В статье ставится вопрос о значимых элементах культурного кода России. Господствующая система ценностей и соответствующая правовая идеология задают цель существования и пределы допустимого в процессе ее достижения как для гражданина, так и для государства. Утверждается важность воспитания: мало просто дать ориентиры в рамках дихотомии «хорошо» — «плохо», нужно прививать умение мыслить критически, активно отторгая то, что данной системой ценностей воспринимается как Зло. Нужно показывать, как в рамках идеологической пропаганды различия в системах ценностей интерпретируются с преднамеренным уклоном от истины. Особый характер национального культурного кода России подтверждается ее историей. Право и закон, свободу и ответственность, равенство формальное и фактическое русский народ веками понимал по-своему. Правовая связь предусматривает взаимность прав и обязанностей, т.е., рассчитывая на защиту государства, гражданин должен по меньшей мере сохранять ему верность.

Ключевые слова: государство, право, закон, история, интерпретация, ответственность, общее благо, ценности

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.124.12.145-153

Liudmila E. LAPTEVA,

Dean of the Law School named after M. M. Speransky,
Institute of Law and National Security,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

Dr. Sci. (Law), Professor

lapteva-le@ranepa.ru

82/1, prosp. Vernadsky, Moscow, Russia, 119571

The Cultural Code of Russia in Legal History Research

Abstract. The article deals with a problem of Russian cultural code. The dominant value system as well as the corresponding legal ideology determine both the goal of existence and permissible state and citizen behavior limits in the process of goal achieving. The importance of education is asserted: it is not enough to provide the framework for “The Good” and “The Bad”. It is necessary

**Людмила Евгеньевна
ЛАПТЕВА,**

декан юридического
факультета имени
М. М. Сперанского
Института права
и национальной
безопасности
РАНХиГС при
Президенте РФ,
доктор юридических наук,
профессор
lapteva-le@ranepa.ru
119571, Россия, г. Москва,
просп. Вернадского, д. 82,
стр. 1

© Лаптева Л. Е., 2024

to train the ability to think critically, to reject what is perceived as evil. It is necessary to show how differences in value systems can be interpreted with deliberate evasion of the truth. The special Character of Russian national cultural code has been confirmed by History. For centuries Russian people used to percept right and law, freedom and responsibility, formal and actual equality in their own way. Legal relationship provides for the reciprocity of rights and obligations as an important guarantee of the state and society security.

Keywords: state, law, law, history, interpretation, responsibility, common good, values

Культурный код можно рассматривать как систему знаков, которые «являются в определенных формах традиционного поведения либо деятельности человека и закрепляются в национальном, этническом, религиозном сознании и опыте»¹. Подразумевается, что этот код оказывает определяющее влияние на все области культуры, формируя доминирующий аксиологический строй и систему идей. Пожалуй, самой загадочной и особо значимой в перекрестье традиций и влияний остается область права и государства. Ведь «любое право является выразителем определенных идей и... определенного социального мировоззрения и... идеологически воздействует как на общественное сознание в целом, так и на сознание отдельных граждан»².

Начиная с XVIII в. под влиянием естественно-правовой доктрины в теоретической юриспруденции обосновывают необходимость использования естественного права для определения справедливости законов. А возникшая на излете того же века историческая школа права артикулировала задачи выявления «духа народа», исконных традиций политико-правовых систем. Эта потребность отчасти удовлетворялась средствами истории государства и права, которая долгое время использовала юридико-догматический метод и чаще всего называлась историей законодательства.

Русская история права активно развивается в XIX в. после того, как в процессе систематизации законодательства М. М. Сперанским была взята на вооружение историческая школа. Но еще до этого появляется труд З. А. Горюшкина «Руководство к познанию российского законоискусства», который искал подход к систематизации законодательства в русской истории. Событием стал и «Опыт истории российских государственных и гражданских законов» М. А. Рейца.

Но лишь к последней трети XIX в. появляются специальные историко-правовые исследования того, как именно формируются и развиваются русское право и государство, как они связаны с господствующей в обществе системой ценностей³.

¹ Каргаполов Е. П. Культурный и цивилизационный коды: актуальные вопросы теории // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 2 (460). Философские науки. Вып. 63. С. 29.

² Туманов В. А. Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве. М. : Наука, 1971. С. 5.

³ См., например, исследования М. Ф. Владимирского-Буданова, Б. Н. Чичерина, Н. М. Коркунова.

Советские историки поначалу объявили войну «с юридической идеологией, с *юридическим методом* в сфере историографии», что считалось «совершенно необходимой составной частью общей борьбы за проникновение *материализма* в историческую науку»⁴. Восстановление историко-правовых исследований шло параллельно с возвращением интереса к юриспруденции.

Заметим, что подход советской науки, как и подходы дореволюционной историографии, предполагали постановку качественных водоразделов между значимыми периодами в истории страны, чем, по сути, отрицали преемственность базовых ценностей. Это демонстрируют избираемые основания периодизации истории права: выделение хронологических периодов по царствованиям, по общественно-экономическим формациям не ставило задачи проследить преемственность ценностей, определяемых той частью культурного кода нации, которая не зависит ни от господствующего экономического строя, ни от смены приоритетов царствующей династии. Особняком стоит только периодизация на базе исторической типологии права и государства, предложенной академиком В. С. Нерсисянцем и основанной на идее прогресса права, на выделении этапов постепенного расширения действия в обществе правового принципа формального равенства⁵.

Обязанность историка «следить... за непосредственным преемством форм... стараться объяснять каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию»⁶, в наши дни актуальна как никогда. Думается, что в основе искомого «преемства форм» как раз и лежит аксиологический строй общества.

Какое же влияние на государство и право могут оказать те базовые ценности религиозного и морального характера, которые составляют культурный код? В истории государства Российского проявляются такие ценности, как общее благо, демократия, право, свобода, самоуправление. Вопрос в том, все ли они могут быть отнесены к базовым, как расставлены приоритеты и какие за ними видятся смыслы. Дело в том, что указанные термины, как и многие другие (толерантность, солидарность, милосердие, обязанность, права человека, ответственность и т.д.), слишком поливалентны, чтобы допускать однозначное толкование. Свобода, общее благо для британца, россиянина и китайца представляют собой разные смысловые комплексы как в философско-правовом толковании, так и в их практическом воплощении. В одних случаях свобода самоценна, в других, как и право, представляет собой лишь ценность инструментальную. Здесь мы вступаем в царство релятивизма, которое даже на уровне понятийного анализа отвергает идею глобализации. Более того, даже аксиологический строй конкретного общества в конкретный исторический момент также может иметь особенности. В этом смысле говорить о непреходящих характеристиках национального характера и соответствующих критериях национальной идентичности можно только с историческими поправками.

⁴ Разумовский И. П. М. Н. Покровский как историк права (К 60-летию со дня рождения) // Революция права. 1928. № 6. С. 1—2.

⁵ Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства : учебник для юридических вузов и факультетов. М. : Норма ; Инфра-М, 1999. С. 241—245.

⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1988. Кн. 1. Т. 1—2. С. 51.

Мысль о самобытности России, впитавшей в национальный код как восточную, так и западную традиции, далеко не нова. Конкуренция этих начал активно проявляется в нашей истории по меньшей мере со времен раскола. Если к западной линии принято относить формально-технические моменты, к которым относится и право, то за восточной — духовная традиция, во многом замешанная на религии. Неслучайно же все мировые религии зарождались именно на Востоке с его склонностью к рефлексии и созерцательности, лежащих в основе поиска смыслов.

Прагматико-технократический характер западной цивилизации привел к расцвету экономики, повышению уровня жизни и формированию морали общества потребления. Но у такого подхода к организации жизни общества есть и последствия, проявившиеся в форме современного кризиса нравственной сферы общества. «Человечество слишком многое познало и открыло, приравняв себя к Богу, и теперь движется к самоуничтожению»⁷. Об опасности технократизации предупреждал в свое время М. Хайдеггер, говоря о вычисляющем и осмысляющем мышлении. Он предчувствовал, что отмирание привычки осмысливать действительность, желание опираться только на технологии приведет к постепенной деградации человеческого интеллекта, утрате способности быть «размышляющим существом»⁸.

Предполагается, что господствующая система ценностей и соответствующая правовая идеология задают цель существования и пределы допустимого в процессе ее достижения как для гражданина, так и для государства. Только мало просто дать ориентиры в рамках дихотомии «хорошо» — «плохо». Нужно еще и прививать умение мыслить критически, активно отторгая то, что данной системой ценностей воспринимается как Зло. Нужно показывать, как в целях идеологической пропаганды различия в системах ценностей можно интерпретировать «в нужном ключе». Так, желая опорочить нравы и устои «восточных варваров», «цивилизованные» эллины говорили об их рабской натуре, неумении утвердить в своем обществе принципы демократии. Аристотель считал, что «по своим природным свойствам варвары более склонны к тому, чтобы переносить рабство, нежели эллины»⁹. Поэтому понятия «варвар» и «раб» для него были синонимами.

Между тем именно на родине западной традиции рабство носило всеобъемлющий характер, тогда как при тех высоких требованиях к качеству и интенсивности земледелия, которые диктовала географическая среда, рабский труд на Востоке носил преимущественно домашний характер. Основной общественный продукт производили общины свободных земледельцев. В отличие от Запада там распространены были теократии, что, скажем, М. Рейснер объяснял с позиции марксизма очень просто: «Для того, чтобы удержать у сохи раба, достаточно приковать его. Чтобы подчинить крестьянина, нужны поп и церковь»¹⁰.

⁷ Румянцева В. Г. Государственный интерес: власть суверена по умолчанию // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 11. С. 168.

⁸ См.: Хайдеггер М. Отрешенность // Моноклер. URL: <https://monocler.ru/haydegger-otreshennost/#:~:text=%D0%92> (дата обращения: 20.12.2024).

⁹ Аристотель. Политика // Соч. : в 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 375—644.

¹⁰ Рейснер М. Идеологии Востока. Очерки восточной теократии. М.-Л. : Государственное издательство, 1927. С. 22.

Бытует легенда, что после монгольского ига Россия полностью утратила европейскую идентичность, попав под влияние других ценностей. Здесь интересно привести возражение европейского философа и социолога, первого президента Чехословацкой Республики Т. Масарика. В книге о России им высказывается соображение, что «в культурном и экономическом отношении татары ни в коем случае не опережали русских», а значит, скорее, «Россия оказывала на татар более сильное культурное влияние»¹¹. Автор имеет в виду нравственность, материальную культуру и не оспаривает, что некоторые элементы организации сбора налогов, придворных церемониалов и т.п. имели определенное сходство. Справедливости ради следует добавить, что тяглое государство стало доминантной регулятивной основой жизни русского социума именно после монголов¹². Но вот стало это результатом копирования модели или естественным следствием необходимости предельной концентрации сил общества перед лицом захватчика?

Традиционное представление о «самодержавии» московских царей критиковал сторонник экономического подхода к истории государства и права М. Н. Покровский. Он подчеркивал, что «самодержавные» государи «вовсе не властны были в личном составе своих холопов-бояр и должны были следовать при приглашении своих советников обычаям местничества»¹³. По справедливому замечанию Н. М. Золотухиной, начиная с Илариона «в политико-правовой теории излагается представление о соотношении права и нравственности, которое впоследствии станет одной из ключевых тем в учении о праве в России»¹⁴. И в период Высокого Средневековья русская политическая мысль, признавая божественное происхождение власти, редко толковала о богоподобии персоны монарха, зато так или иначе касалась вопроса ответственности властителя за управление государством. Так, Максим Грек считал, что князь обязан устроить в государстве равный для всех подданных суд, а Иосиф Волоцкий предупреждал, что «за государское согрешение Бог всю землю казнит»¹⁵.

Славянофилы подхватили идею, что для монарха превыше всего его нравственный долг перед Отечеством. Гарантия против произвола заключалась для них «в совести монарха, в том, что называется страхом Божиим... в положении самодержца, возвышенном над всеми сословиями и партиями, в совершенной общности его интересов с государственною пользою и благом народным»¹⁶. В работах Ивана и Константина Аксаковых западным насилию, рабству и вражде

¹¹ Масарик Т. Россия и Европа. СПб. : РХГИ, 2000. С. 24.

¹² Стоит упомянуть, что идея солидарности и долга не чужда и европейской политико-правовой мысли (Л. Дюги, О. Конт, С. Вейль и др.).

¹³ Цит. по: Разумовский И. П. Указ. соч. С. 12.

¹⁴ Золотухина Н. М. Зиновий Отенский о власти, праве и правосудии. М. : Норма, 2017. С. 199.

¹⁵ Золотухина Н. М. Политико-правовая мысль России XVI в.: Филофей и «Филофеев цикл». М. : Юрлитинформ, 2015. С. 178—238.

¹⁶ Аксаков И. С. В русском самодержавии для нас залог истинной гражданской и социальной свободы // Государственный и земский вопрос : Статьи о некоторых исторических событиях. 1860—1886. М., 1887. Т. 5. С. 140.

противопоставлялись русские добровольность, свобода и мир: «Запад потому и развил законность, что чувствовал в себе недостаток внутренней правды»¹⁷.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что критика в адрес России появилась как раз в период, когда Европа почти исчерпала собственные природные ресурсы и обратила взгляд на Восток. Образ России как неевропейского Другого был необходим не для защиты Европы от России, а для обоснования экспансионистских намерений европейских владык. Осваивать российские природные богатства было бы удобнее, чем искать счастья в заморских колониях. Субъектность российского Другого, по сути дела, отрицалась, подобно тому как известная «доктрина открытия» не принимала во внимание субъектность аборигенов Америки и Африки, что давало юридические основания рассматривать населенные ими земли как никому не принадлежащие... Но народ, который предстоит завоевать, нужно сначала опорочить. Достаточно вспомнить знаменитые английские карикатуры на Московское государство времен Ивана Грозного, которыми создавался образ жестокой некультурной власти, которую безропотно терпит рабский по натуре народ. Эта традиция прослеживается и в современной отечественной историографии, где можно встретить упоминание «самодержавно-холопской модели взаимоотношений власти и общества»¹⁸.

При этом Англия рассматривалась едва ли не как оплот мировой правовой культуры, как будто не было десятков тысяч разоренных огораживаниями крестьян, в отношении которых действовало кровавое законодательство, предписывавшее отправлять нищих на виселицу. Печально известен и труд маркиза Де Кюстина, критиковавшего клопов на русских постоянных дворах в то время, как во Франции еще сохранялась привычка выливать на улицу и спускать в реки помои и нечистоты (кажется, она до конца не изжита и в наши дни).

Не прибавило европейским элитам любви к России и то, что в нескольких войнах россияне «кровью искупили Европы вольность, честь и мир» (А. С. Пушкин). А в XIX в. Россия была избрана «темным двойником» (dark twin)¹⁹ якобы несущей миру «свет истинного христианства» Америки. Подспудно накапливающееся социальное напряжение внутри американского общества с тех пор принято снимать за счет России (СССР) путем «перенесения акцентов на внешний периметр и превращения в предмет внешней политики»²⁰.

Некоторое время тому назад мне попала на глаза статья некоего М. Белкина (США), опубликованная в 2000 г. в международном журнале²¹. Статья прямого отношения к проблемам национального культурного кода не имела. Вспомнилась

¹⁷ Аксаков К. С. Разные отдельные заметки // Полн. собр. соч. М., 1889. Т. 1. С. 592.

¹⁸ Коцюбинский Д. А. Цивилизация ресентимента. К постановке проблемы истоков русской политической культуры // Ростовский научный журнал. Февраль 2019. Вып. 2. С. 59.

¹⁹ Американская традиция: крестовый поход за «свободную Россию». Интервью профессора Д. Фоглсона // ИноСМИ. URL: <https://inosmi.ru/world/20080424/240986.html> (дата обращения: 20.12.2024).

²⁰ Harold J. Berman. Justice in the USSR. An Interpretation of Soviet Law. Harvard University press, 1963. С. 5.

²¹ Белкин М. Зачем и за чем? Путешественник и турист в исторической перспективе // Интеллектуальный форум. 2000. № 1. С. 20.

она потому, что в качестве зачина автор упомянул заметку о восстановлении жителями небольшого российского города заброшенной церкви. И дальше он задавался вопросом о целесообразности восстановления в качестве туристического объекта именно церкви. То, что мотивация жителей могла быть принципиально иной, в статье даже не упоминалось. Если каких-то 30 лет назад можно было объяснить этот факт безразличием протестанта к культовым зданиям, то события последних десятилетий позволяют предположить иное. Десакрализация авраамических религий и отрицание соответствующих этических систем распространяется в развитых странах Запада с невиданной скоростью и обещает стать гораздо более эффективным водоразделом между «цивилизованным либеральным» миром и остальным человечеством, чем доселе выполнявшая эту роль экономика.

Особый характер национального культурного кода России подтверждается ее историей. Идеи права и закона, свободы и ответственности, равенства формального и фактического русский народ веками интерпретировал по-своему. Логика социального развития со всей очевидностью демонстрировала, что эти идеи не были чужды общественному сознанию. Постсоветская Россия долгое время шла по пути возрождения институтов самоуправления, правового государства, активно реформировалось гражданское право. Но и в ту пору звучала справедливая критика, констатировалось отсутствие творческих решений, обоснованных потребностями именно российской правовой системы и переходной экономики²².

Действительно, именно тогда в бешеном темпе проводилась приватизация, а из российского законодательства о гражданстве исчезло требование верности гражданина Российскому государству. То и другое создавало ситуацию свободы без ответственности и способствовало, в частности, вывозу за рубеж доходов от эксплуатации попавших в частные руки ресурсов. Считалось, что формально «это соответствовало концепции гражданства как исключительно правового явления, а именно — понимания его как правовой связи»²³.

Но правовая связь предусматривает взаимность прав и обязанностей, т.е., рассчитывая на защиту государства, гражданин должен по меньшей мере сохранять ему верность²⁴. Ключевым признаком цивилизационного кода России всегда оставалась взаимная «ответственность государства перед народом, а народа перед законом»²⁵. Словами П. И. Новгородцева можно подытожить: «Только подчиняя себя высшим началам, и равенство, и свобода становятся созидательными и

²² См., например: *Никитина Н. К.* Российское законодательство в условиях глобализации (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

²³ *Полянский В. В.* Трансформация правовой идеологии в области регулирования двойного гражданства в Российской Федерации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 1 (12). С. 86.

²⁴ Восстановили эту обязанность только в 2017 г. См.: Федеральный закон от 29.07.2017 № 243-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О гражданстве Российской Федерации” и статьи 8 и 14 Федерального закона “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2017. № 31. Ст. 4792.

²⁵ *Мордовцев А. Ю., Мамычев А. Ю., Шестопал С. С.* Российская государственность как особый цивилизационный и правоментальный тип // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 496.

плодотворными основами общего развития»²⁶. И это есть главное условие процветания нашей страны и ее граждан.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аксаков И. С. В русском самодержавии для нас залог истинной гражданской и социальной свободы // Государственный и земский вопрос : Статьи о некоторых исторических событиях. 1860—1886. — М., 1887. — Т. 5. — 681 с.
2. Аксаков К. С. Разные отдельные заметки // Полн. собр. соч. — М., 1889. — Т. 1. — 660 с.
3. Американская традиция: крестовый поход за «свободную Россию». Интервью профессора Д. Фоглсона // ИноСМИ. — URL: <https://inosmi.ru/world/20080424/240986.html> (дата обращения: 20.12.2024).
4. Аристотель. Политика // Соч. : в 4 т. — М., 1984. — Т. 4. — С. 375—644.
5. Белкин М. Зачем и за чем? Путешественник и турист в исторической перспективе // Интеллектуальный форум. — 2000. — № 1. — С. 20—57.
6. Золотухина Н. М. Зиновий Отенский о власти, праве и правосудии. — М. : Норма, 2017. — 255 с.
7. Золотухина Н. М. Политико-правовая мысль России XVI в.: Филофей и «Филофеев цикл». — М. : Юрлитинформ, 2015. — 428 с.
8. Исаев И. А., Золотухина Н. М. История политических и правовых учений России : хрестоматия. — М., 2003. — 506 с.
9. Каргаполов Е. П. Культурный и цивилизационный коды: актуальные вопросы теории // Вестник Челябинского государственного университета. — 2022. — № 2 (460). — Философские науки. — Вып. 63. — С. 27—35.
10. Коцюбинский Д. А. Цивилизация ресентимента. К постановке проблемы истоков русской политической культуры // Ростовский научный журнал. — Февраль 2019. — Вып. 2. — С. 38—64.
11. Масарик Т. Россия и Европа. — СПб. : РХГИ, 2000. — 448 с.
12. Мордовцев А. Ю., Мамычев А. Ю., Шестопап С. С. Российская государственность как особый цивилизационный и правоментальный тип // Балтийский гуманитарный журнал. — 2017. — Т. 6. — № 4 (21). — С. 492—498.
13. Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства : учебник для юридических вузов и факультетов. — М. : Норма ; Инфра-М., 1999. — 539 с.
14. Никитина Н. К. Российское законодательство в условиях глобализации (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. — 28 с.
15. Новгородцев П. И. Демократия на распутье // Избр. соч. — М., 1995. — 448 с.
16. Полянский В. В. Трансформация правовой идеологии в области регулирования двойного гражданства в Российской Федерации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 12. — С. 83—91.
17. Разумовский И. П. М. Н. Покровский как историк права (К 60-летию со дня рождения) // Революция права. — 1928. — № 6. — С. 3—17.

²⁶ Новгородцев П. И. Демократия на распутье // Избр. соч. М., 1995. С. 396—397.

18. Рейснер М. Идеологии Востока. Очерки восточной теократии. — М.-Л. : Государственное издательство, 1927. — 344 с.
19. Румянцева В. Г. Государственный интерес: власть суверена по умолчанию // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 11. — С. 165—170.
20. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. — М., 1988. — Кн. 1. — Т. 1—2. — 802 с.
21. Туманов В. А. Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве. — М. : Наука, 1971. — 381 с.
22. Хайдеггер М. Отрешенность // Моноклер. — URL: <https://monocler.ru/haydegger-otreshennost/#:~:text=%D0%92> (дата обращения: 20.12.2024).
23. Harold J. Berman. Justice in the USSR. An Interpretation of Soviet Law. — Harvard University Press, 1963. — 460 p.

